

Вместо вступления

Канун Нового года и Рождества — наверное, лучшее время в году. Люди подводят итоги уходящего года, строят планы и загадывают желания на год наступающий, наряжают елку, запасаются подарками и с нетерпением ждут каникул. А еще ждут волшебства и чудес. И чудеса случаются. Кто-то уже давно отчаявшийся вдруг находит любовь. Кто-то встречает своего ангела-хранителя или просто хорошего человека, который помогает в трудную минуту. У кого-то исполняются желания, кто-то сам исполняет чужие желания.

Обо всех этих разнообразных чудесах и рассказывают истории, собранные в этой книге.

Жанар Кусаинова

История про Новый год

Это было очень-очень давно. Я училась на журфаке, я была такая маленькая студенточка: лохматые волосы, драные джинсы, серый свитер, на курсе меня называли Мурзилкой, потому что я печаталась в детских изданиях. Так вот, у меня была несчастная любовь, мальчик с исторического, Алишер. Он играл со мной в известную игру — «Стой там, иди сюда!». То есть люблю — не люблю, не люблю — люблю. Нужна — не нужна, не нужна — нужна.

И так далее.

И вот, после того как он в пятый раз ушел от меня навсегда, он вдруг появился и прислал сообщение на пейджер: «Ты прости меня, я понял, насколько ты мне нужна, я люблю тебя, а давай вместе отпразднуем Новый год?»

И я поверила. А как могла не поверить — меня ведь качало от одного звучания его имени, мне он грезился в каждом силуэте, мелькнувшем вдали.

Итак, я бросила гостей, я поссорилась с друзьями («ты чокнулась, ты себя не уважаешь, ты ненормальная,

ну и катись, только потом не приходи, не ной»). Я помчалась к нему — нет, не так, я помчалась к НЕМУ. Я бежала, не разбирая дороги, я забыла шапку и шарф, и снег, ветер нахлестом — в лицо. А я даже не застегнула куртку, я бегу. Такое счастье.

ОН ведь ОПЯТЬ МЕНЯ ЛЮБИТ! И все равно, сколько это продлится. Главное — то, что есть сейчас. И солнце снова горячими капельками разливается в моей крови.

А время на часах уже 10 вечера.

И вот я уже в его подъезде. Я уже в лифте. ЛЕЧУ ВВЕРХ К НЕМУ!!! И вдруг лифт застревает, просто намертво. А уже праздник в самом разгаре, я слышу, как все веселятся.

А на мой пейджер пришло его сообщение: «Можешь не торопиться, я передумал, я от тебя ухожу, ты меня достала. Пошла вон...»

И тут я заревела белугой. Вот ведь черт!

В лифт постучали.

Голос пожилого человека спросил:

— Вы плачете? Вам плохо? Что случилось?

— Лифт застрял, и мне не вырваться, а еще меня бросил самый любимый человек.

— Что ж, бывает. Но все еще образуется, поверьте. А пока пойду попробую позвонить диспетчерам.

— Спасибо.

Через некоторое время. Тот же голос:

— Там никто не берет трубку. Это понятно, ведь Новый год.

— Ничего страшного. Спасибо за помощь.

— Это понятно, но что же делать? Неужели вы так и будете здесь сидеть?

— А куда мне деваться?

— Ну да, ну да. Я сейчас вернусь.

(Он принес стул и тарелки оркестровые.)

— Я всегда мечтал быть музыкантом, играть на рояле, но умею только на тарелках.

Старик играл для меня на тарелках, пел «В лесу родилась елочка».

— Простите, барышня, а вы любите поэзию?

— Да. Например, Маяковского, Олжаса Сулейменова, Блока и Рембо.

— А Вертинского?

— Кто это?

— Вы не знаете? Неужели не слышали никогда?

— Нет.

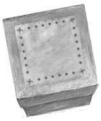
— Я сейчас.

Через некоторое время у моего лифта зазвучала пластинка. Я впервые услышала Вертинского. И Козловского, и многих других. До утра этот человек был со мной.

Он говорил. Он утешал меня. Рассказывал о своей жизни.

— Мой отец был врагом народа. Моя мама, чтобы спасти меня, быстренько с ним развелась и от него отказалась. Он сам ее заставил это сделать. Сказал, что главное — спасти сына. Мы бежали в Казахстан. Мама правильно все рассчитала, там, где полно репрессированных, вряд ли будут искать. А уже началась война.

Я отстал от нее на вокзале в Алма-Ате. Искать не решился. Помнил папины слова. Главное — выжить, прятаться, но выжить. Найдемся потом, когда все это кончится.

Меня забрали в милицию. Там сидела какая-то пожилая женщина-казашка, она хорошо говорила на русском, очень стеснялась меня допрашивать, но больше некому, все мужчины ушли на фронт. Она сказала, что она пианистка, когда-то училась в консерватории, кажется, в Москве. Но теперь такое время, не до музыки.

У нее был огромный флюс, болел зуб. На щеке старенький платок повязан. Она очень смущалась. Робко совала мне сухари, просила, чтобы поел. Там было много детей. Кто-то из них просто потерялся, ревел, а подростки бежали на фронт. Их ловили, а они снова бежали.

Я назвал чужую фамилию, чужое имя. Она оформила на меня какие-то бумажки, и я оказался в детском доме. А потом я сбежал и оттуда. Познакомился с Кречетом. Был такой знаменитый вор-карманник. Просто виртуоз. Он меня учил, что публику надо уважать.

— Уважать?

— Конечно! Теперь-то, нынешние,— этого не умеют. Рвут-режут почем зря куртки и сумки, вырывают из рук, портят вещи. А Кречет учил, что если вынул кошелек, то закрой за собой сумочку. Нашел документы, подбрось в почтовый ящик. Не воруй у инвалидов, детей, беременных, стариков, у нищих. У него была целая школа.

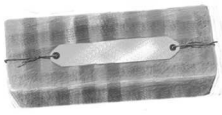
— Да он просто Робин Гуд.

— Напрасно иронизируете, милая девушка, он был профессионал. Мастер!

— Простите меня.

— Ничего-ничего. Просто теперь не очень-то принято уважать мастеров. Менеджеров много — мастеров нет.

— А как вас зовут?

— Александр.

— А как называла вас мама?

— Аристарх. Но меня давно никто так не называл.

— А можно мне?

— Да.

Мы с Аристархом слушали музыку, разговаривали. Это было очень здорово.

А потом, когда пробило двенадцать, он принес какую-то швабру, чуть-чуть раздвинул двери лифта и в образовавшуюся щель просунул мне соломинку, чтобы я через нее выпила шампанское. Я глянула на моего спасителя.

Это был пожилой человек. Нарядно одетый, черный пиджак, сорочка, шляпа и галстук. Все с иголочки.

— Ух ты! Вы так здорово выглядите!

— Спасибо. Все-таки я ведь к девушке иду!

— Но ведь это не свидание!

— Ну и что! Кречет учил : «Уважайте публику!» Я иду к девушке, я ее уважаю, значит, и выглядеть должен соответственно.

— Спасибо.

— Да не за что.

— Я у вас столько времени отняла.

— Ну, во-первых, я потратил его с удовольствием, а во-вторых, если бы мне было с кем еще его тратить... Не с кем. Я один остался в Новый год. Так бывает.

Аристарху все-таки удалось вытащить меня из плена. Все-таки воровской опыт не прошел даром.

— А вы всю жизнь были вором?

— Нет. Только в юности. А так я часовщик. И антиквар. Больше всего я люблю часы. Мне нравится, что

тиканье в часах похоже на то, как стучит сердце у человека. Тик-так, тик-так. Если разрешите, я хотел бы пригласить вас к себе. Не бойтесь, мы просто выпьем чаю, в подъезде холодно, я бы не хотел, чтобы вы простудились.

И мы пошли к нему.

Это была чудесная квартира. Множество картин, удивительных часов, патефонов и музыкальных шкатулок, древних фотоаппаратов, книг и разного рода редкостей. Это был просто праздник.

Я услышала миллион чудесных историй про войну и любовь, про раненых солдат, про Кречета и других знаменитых воров, про послевоенную Алма-Ату и другое.

Мы пили чай из старинных фарфоровых китайских чашечек. Аристарх показал мне настоящую чайную церемонию, которой его научили китайцы, бежавшие от культурной революции...

Он разрешил мне померить одежду 20, 30, 40-х годов, шляпки и платья, туфельки. Все эти сокровища из его невероятной коллекции!

Я стояла за ширмой, сделанной из самого настоящего шелка, расписанного вручную. Я чувствовала себя самой красивой на земле. Лучше чем Мэрилин Монро точно!

Это все было настолько сказочно, что я до сих пор улыбаюсь, когда вспоминаю ту ночь и то утро.

А тем временем мне на пейджер опять пришло сообщение: «Какой я был дурак. Приезжай ко мне срочно, давай опять будем вместе».

Но я никуда не поехала, мы с Аристархом взяли молоток и разбили мой прекрасный пейджер на куски. И это было счастье.

А потом мы немного дружили с Аристархом. И это было самое лучшее время в моей студенческой жизни.

Но однажды, приехав к нему опять, я увидела, что его волшебной старинной двери с огромным замком нет. А на ее месте какое-то металлическое плоское уродство. Позвонила. Через дверь мне ответил женский голос, что такой-то здесь больше не живет. Кто я? Я его внучка! Я его наследница! А ты кто?

И действительно, кто я? Я засмущалась и сказала, что я никто.

И убежала.

Больше я никогда не видела этого человека. Но часто про него вспоминаю.

Спасибо вам за все, Аристарх!

Вы были чудесный!

Наталья Волнистая

О случайностях и закономерностях

Для новогоднего корпоратива подготовили капустник на производственную тему, генеральный изображал бобра-строителя, финдиректор — запасливую белочку, юристу Ивановой достался лесник как олицетворение всех и всяческих надзоров.

Ужасно глупо, но после трех рюмок очень смешно и бешеный успех.

Вся в аплодисментах и комплиментах, Иванова побежала переодеться, в темном коридоре ошиблась дверью и влетела к экономистам, где и обнаружила Сидорова in flagrante с фифой из планового отдела.

Сидоров промямлил что-то неразборчивое, а фифа глянула на Иванову победительно.

Еще и хихикнула, мерзавка.

Иванова развернулась и ушла как была — в ватнике и с накладными усами.

Таксист нервно оглядывался и бубнил под нос про то, что извращенцев развелось — плюнуть некуда, брезгливо отсчитал сдачу и даже от чаевых отказался.

На следующий день Сидоров подошел как ни в чем не бывало, сказал, Ксения, я все объясню.

И объяснил.

И добавил, ну что, Новый год на даче? почему?! я же объяснил! знаешь, Ксения, тяжело разговаривать с человеком, который тебе не верит! в смысле мне не верит! не ожидал!

И оскорбленно удалился в сторону планового отдела.

Днем тридцать первого позвонила взволнованная мама. Ксюша, Петровне в магазине сказали, в вашем районе завелся маньяк! подкарауливает женщин! грабит! раз маньяк, то не только грабит! Петровна приметы записала, слушай: куртка темная, высокий! папа говорит, пусть твой Вадим собаку выгуляет, сама не ходи!

Мама, сказала Иванова, моего Вадима уже нет.

И слава богу, выпалила мама, не одобрявшая Сидорова.

Помолчала и добавила, вот увидишь, Ксюша, оно и к лучшему, погоди, а Новый год ты с кем встречать будешь? с подругой, с Верочкой, что ли? может, к нам приедешь? папа бы и с собакой погулял, Ксюша, не переживай, таких Сидоровых в базарный день пучок на пятачок, что из-за них расстраиваться.

Не на что пенять — каков базар, таков и выбор.

Но полтора года в песок.

За полтора года и к хомяку привяжешься, а тут человек.

Хотя и Сидоров.

К подруге Верочке Иванова не поехала, наплела что-то про простуду, мол, боится заразить Верочкиных близняшек.

Вечером Тирион принес в зубах поводок, ткнулся мордой, пора, пора.

Иванова постояла в прихожей перед зеркалом, нашла седой волос в челке и подумала, что мир разделен очень неровно.

С одной стороны — счастье, а с другой — она сама, ее тридцать лет и старость не за горами, сплошь сидоровы да мокрый снег с дождем вперемежку.

Хотелось заплакать, но не заплакалось.

В куртке заклинило молнию, дубленку по такой погоде жаль, и Иванова надела не убранный в кладовку папин офицерский ватник.

Выглянула в окно, горел только дальний фонарь. Она еще подумала и решительно приклеила усы.

Обломись, маньяк.

Хорошо, в подъезде никто не встретился.

Шли мимо школьного стадиона, как вдруг перед ними из ниоткуда выросла высокая тень и хрипло спросила, мужик, закурить есть?

Иванова и не подозревала, сколько мыслей может пронестись в одно краткое мгновение.

Но, пока мозг переваривал пронесшееся, подсознание сработало и устами Ивановой выкрикнуло, взять его! Тирион, фас! куси! фас!

Тирион взлаял и радостно заскакал вокруг тени, пытаясь на данный момент лизнуть ее хоть куда, а в перспективе подружиться.

